

Распределив в уме порции моркови, Сяо Ци заметил, что встретил не только старого знакомого из мира духов, но и «старую знакомую» героиню.

«Ого, 5000, это что, наша главная героиня?»

[Да]

[По неустановленным причинам ход событий нарушен. Хозяин может действовать по своему усмотрению, исходя из ситуации]

«Это я мигом, — Сяо Ци был сама покорность. — Улитка лучше всех умеет растить главных героев!»

Троица в холле, завидев спускающегося Чэнь Янси, замерла. Спор об овощах мгновенно угас, уступив место совершенно разным эмоциям.

Тётушка Чэнь приготовилась к зрелищу, втайне надеясь, что сейчас произойдёт нечто из ряда вон выходящее. Линь Муюнь заметно занервничал, в его взгляде читалась вина; он лихорадочно соображал, как бы представить гостью так, чтобы это прозвучало естественно. Шу Лянь же, напротив, слегка вскинула подбородок, словно безмолвно заявляя свои права на этот дом.

Заметив задумчивое и даже слегка озадаченное лицо супруга, Линь Муюнь первым взял инициативу в свои руки. Он поманил Янси к себе:

— Ян-Ян, иди скорее, я вас познакомлю. Это Шу Лянь, она тоже из университета Ло. Вы вчера виделись, вышло небольшое недоразумение.

Закончив представление, Муюнь затаил дыхание, ожидая реакции. Две другие женщины тоже не сводили с Улитки глаз. Под этим пристальным надзором Сяо Ци пару раз хлопнул ресницами, и вдруг на его лице отразилось озарение:

— А-а, вспомнил! Ты та самая, вчерашняя!

Линь Муюнь облегченно выдохнул. Судя по реакции, Чэнь Янси вчера даже толком не разглядел девушку, а значит, и подозрений у него быть не могло.

Однако саму Шу Лянь такое пренебрежение задело за живое. Вчера она была на грани нервного срыва, а виновник торжества, оказывается, её даже не запомнил! Натянув на лицо вежливую улыбку, она процедила:

— У господина Чэня завидная забывчивость. Неужели то вчерашнее недоразумение так быстро вылетело из головы?

— Ну, было дело, — кивнул Сяо Ци. — В компании теперь все только и болтают, что вчера к нам прибежала какая-то сумасшедшая баба. Но ты совсем не баба.

Шу Лянь: «...»

Она заподозрила, что собеседник под этим предлогом просто обозвал её сумасшедшей. Не желая проглатывать обиду, гостя тут же состроила жалобное лицо. Слезы в её глазах появились мгновенно, и она пролепетала с обидой в голосе:

— Господин Чэнь... вы намекаете, что я лишилась рассудка?

Сяо Ци на мгновение задумался, подбирая слова поточнее:

— Да, вышло небольшое недоразумение. Сотрудники говорят: сумасшедшая баба. Но ты совсем не сумасшедшая.

Шу Лянь не ожидала, что победа достанется ей так легко. Слезы даже не принесли желанного чувства триумфа, хотя она расценила это как отступление со стороны хозяина дома. Вытерев глаза, она произнесла:

— Возможно, я приняла всё слишком близко к сердцу. Не сердитесь, господин Чэнь.

Стоящий перед ней юноша кротко кивнул:

— Не беспокойся, гость в доме — праздник в доме. Баба, чувствуй себя как дома. Можешь съесть всё мясо в холодильнике, мне не жалко.

Шу Лянь едва не поперхнулась от такого обращения. И что это вообще за гостеприимство? «Можешь съесть всё мясо» — это она что, на голодающую похожа?

Тётушка Чэнь изо всех сил сдерживала смех. Она и представить не могла, что Чэнь Янси умеет так тонко издеваться над людьми. Линь Муюнь тоже опешил. Если бы не искренняя доброжелательность в глазах супруга, он бы наверняка решил, что тот делает это нарочно.

— Ах да, я вчера оставил в холодильнике небольшую закуску перед завтраком. Хотите попробовать? — Сяо Ци решил, что с приветствиями покончено, и направился к своей цели — тарелке с морковью.

Шу Лянь натянуто улыбнулась:

— У меня довольно слабый желудок, я не ем продукты, которые долго стояли. Так что кушайте сами, господин Чэнь.

Тётушка Чэнь и Линь Муюнь тоже дружно затрясли головами, опасаясь, что Янси сейчас вытащит нечто совершенно неудобоваримое.

Улитка изобразил на лице глубокое сожаление, хотя в душе так и запрыгал от радости:

— Ну, на нет и суда нет. Тогда я не буду церемониться. Располагайтесь, и до обеда меня не беспокойте.

С этими словами он стремительно рванул к холодильнику, выхватил тарелку с ледяной морковью и вихрем унёсся наверх.

Когда его силуэт скрылся за поворотом на третий этаж, Чэнь Хуа с запозданием осознала:

— Последние овощи из холодильника тоже забрали.

Линь Муюнь: «...»

Шу Лянь не покидало чувство, что всё идёт как-то наперекосяк. Перед приездом она отрепетировала сотню сценариев, подготовилась к любой словесной дуэли, но сейчас... казалось, все её удары приходятся в пустоту. Она не только не добилась нужного эффекта, но и была попросту проигнорирована своим главным врагом.

В отличие от неё, Линь Муюнь почувствовал облегчение. Хоть Чэнь Янси и вёл себя в последнее время странно, он списывал это на нормальную реакцию человека, столкнувшегося с «паранормальщиной».

В конце концов Чэнь Хуа отправили на рынок, а Шу Лянь с досадой в сердце проследовала за Линь Муюнем в спальню.

— Чэнь Янси правда так сильно тебя любит? — вскинулась она. — Что-то я этого не заметила! Неужели он и впрямь не согласится на развод?

Линь Муюнь, опешивший от её напора, долго молчал, прежде чем вздохнуть:

— В последнее время он под большим давлением, вот и ведёт себя необычно. Но я знаю его как облупленного — он никогда не пойдёт на развод. К тому же родители начали колебаться...

Вчера осторожно спрашивали о внуках...

После этих слов настроение гостя немного улучшилось. Она горько усмехнулась:

— Ему тяжело, а мне, по-твоему, легко? Я даже не могу признаться людям, кто мой парень! К тому же... мне иногда кажется, что мы поступаем с ним слишком жестоко.

— Чтобы достичь цели, всегда приходится чем-то жертвовать. У Чэнь Янси много фанатов, любая ошибка вызовет кучу подозрений.

— Я знаю... — Шу Лянь опустила голову. — Просто я слишком низкого происхождения, и из-за этого тебе приходится так мучиться.

Она понимала, чего опасается Линь Муюнь. Её семья была бедной, родители — простые работяги на стройках. С таким прошлым ей и так не светило попасть в семью Линь, а малейшее пятнышко на репутации раздули бы до небесных масштабов.

В своё время Муюнь пытался прощупать почву в разговоре с родителями, но получил жёсткий ответ: «Даже если на свете вымрут все женщины, ты не женишься на дочери чернорабочего».

Именно тогда, в порыве отчаяния и ярости, Шу Лянь узнала о тайной влюблённости Чэнь Янси в Линь Муюня. Движимая жаждой мести, она предложила свой план. Раз супруги Линь твердят, что не примут её, даже если других женщин не останется — что ж, тогда пусть их драгоценный сын женится на мужчине.

Поначалу Муюнь был против, но после долгих споров они поняли: брак с Чэнь Янси — кратчайший путь. Всего три-пять лет, и взгляды родителей Линь изменятся навсегда. Будет это три года или пять — зависело лишь от актёрского таланта Линь Муюня. Так начались публичные признания, скорая свадьба сразу после выпуска и бесконечная показуха их идеальных отношений.

Родители Линь и впрямь едва не слегли с сердечным приступом. Они пытались помешать всеми способами, но Линь Муюнь и Чэнь Янси стояли скалой. Прошло три года, и ситуация зашла в тупик.

Именно поэтому выбор пал на Янси. Муюнь изучил его характер и понял: за внешней мягкостью скрывается невероятное упрямство. Чэнь Янси никогда бы не уступил родителям Линь. В нём жила та непоколебимая верность, которую те просто не могли принять.

Однако это упрямство было палкой о двух концах. Три года Линь Муюнь искал уязвимое место в броне супруга и неожиданно обнаружил: тот, кто ко всему относился философски, до смерти боялся призраков.

Так родился новый план. Если всё пойдёт гладко, в момент, когда конфликт Янси с родителями Линь достигнет апогея, появление Шу Лянь станет для семьи долгожданным спасением. На фоне «безумного» зятя она будет выглядеть идеальной партией, и капитуляция родителей станет лишь вопросом времени.

К сожалению, Линь Муюнь просчитал всё, кроме одного: Шу Лянь, поддавшись панике из-за сплетен в сети, примчалась в дом и спутала все карты. В такой сложной партии любое отклонение могло привести к непредсказуемым последствиям.

Вновь обретя доброе расположение духа, девушка принялась осматривать виллу, прикидывая, что бы здесь переделать — она уже всю примеряла на себя роль хозяйки. Но стоило ей дойти до третьего этажа, как голос Чэнь Янси вернул её с небес на землю.

Не успев разозлиться, Шу Лянь почувствовала неладное. Речь была обрывистой, но, судя по всему, в комнате звучал только один голос. Она не удержалась и прильнула к двери.

Первым, что она услышала, был мерный, хрустящий звук — словно кто-то что-то увлеченно грыз. Затем последовало молчание. Она уже подумала, что ей показалось, как вдруг из-за двери донесся громкий выкрик:

— Бомба!

— Ха-ха-ха! Ва-банк!

Шу Лянь: «???»

Почему это звучит так, будто он играет в «Дурака»? Но кто в здравом уме будет так азартно играть сам с собой? Она еще плотнее прижалась ухом к дереву.

— Всё! Я выиграл! Эта морковка моя!

— Давайте еще партию! Кажется, у этого длинноязыкого вместе с языком и мозги вытекли, заменим его. Братец Бай, как тебе тот, с пробитой головой? Сгодится?

— Раз ты согласен, я его мигом сюда затащу!

Послышался звук открываемого окна, а спустя мгновение в комнате снова раздалось: «Я хожу!».

Шу Лянь: «???»

Она застыла в недоумении. Он что, и впрямь играет в карты? Но ведь слышен только его голос!

Она простояла у двери довольно долго, и на её губах начала играть торжествующая улыбка. План работал! У Чэнь Янси явно начались проблемы с психикой, раз он несёт такую околесицу. Жаль, что нельзя заглянуть внутрь — зрелище наверняка было бы презабавным.

Только она об этом подумала, как из комнаты вновь донесся голос Янси:

— Длинноязыкий, ты чего к двери прилип? Отойди!

Шу Лянь знала, что у него не всё в порядке с головой, но от этих слов она буквально отлетела от двери. Прижав руку к бешено колотящемуся сердцу, она прошептала:

— Чэнь Янси даже когда сходит с ума, остаётся невыносимым.

Впрочем, раз эффект налицо, можно переходить к следующему шагу. Она с нетерпением ждала ночи. Скоро, совсем скоро этот дом станет её по-настоящему.

С сияющим лицом Шу Лянь спустилась вниз, чтобы обсудить ночной план с Линь Муюнем. Тот едва успел забыться сном, как его снова бесцеремонно разбудили. Жилка на лбу Муюня забилась чаще, но, выслушав гостью, он подтвердил: всё в силе, вилла давно подготовлена к «представлению».

***

Тем временем на третьем этаже Сяо Ци проиграл морковку Гао Чао. Он с подозрением уставился на призрака с вмятиной в черепе, а затем перевёл взгляд на своего «братца»:

— Братец Бай, мы двое — обладатели целых голов — умудрились продуть этому бедолаге с пробитой макушкой. Как ты думаешь, в чём наша ошибка?

Призрак-брат озадаченно почесал затылок:

— И что теперь делать? Мне тоже себе голову проломить для верности?

Сяо Ци: «...»

«Куда делся мой брат? Тот самый умный и проницательный? Ладно, забудь, надо бы Длинноязыкого обратно затащить».

Пока он размышлял, Гао Чао внезапно подал голос:

— Мне не нужна эта морковка. Но я хотел бы попросить тебя об одной услуге.

Сяо Ци удивился. Пропитанная духовной энергией ледяная морковь была для призраков величайшим лакомством, и этот малец — на вид ему было не больше тринадцати-четырнадцати лет — умудрился устоять перед искушением.

— Я торчу здесь уже целую вечность, и ты единственный, кто меня видит, — торопливо проговорил Гао Чао. — У меня ничего нет за душой, но что ты хочешь взамен? Я отдам что угодно... даже если тебе нужна моя душа.

<http://bllate.org/book/15806/1435466>